

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ Ш. Б. НОГМОВЫМ КАБАРДИНСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Вот уже 100 лет широко распространено мнение об исключительной ценности кабардинского фольклора в качестве исторического источника для воссоздания забытых страниц далекого прошлого не только кабардинцев, но также древней Руси, антов, хазар, гуннов, сарматов и пр. При этом сторонники этого взгляда не задумываются над вопросом: почему на Северном Кавказе именно кабардинский исторический фольклор выделяется необычной архаичностью? Найти удовлетворительный ответ на этот вопрос просто невозможно.

Мысль об исключительной ценности для историков кабардинского фольклора впервые высказал кабардинец Шора Бекмурзин Ногмов, который в первой половине XIX в. написал историю своего народа на основании преданий и исторических песен¹. Он принадлежал к числу тех адыгских (т. е. адыгейских и кабардинских) деятелей культуры 1830—1840-х годов, которые в свободное от службы время занимались составлением на русском языке историко-этнографических, лингвистических и художественных произведений об адыгах. Среди них был писатель Султан Казы-Гирей, о литературных способностях которого с похвалой отзывались А. С. Пушкин и В. Г. Белинский. Тогда же выступил в печати другой адыгский писатель — Султан Адиль-Гирей. Во время службы Ш. Б. Ногмова в лейб-гвардии его непосредственным начальником являлся крупный адыгейский этнограф и талантливый писатель Султан Хан-Гирей. В 1844 г. в Петербургскую академию наук была представлена рукопись «Истории несчастных чиракес», которую составил кабардинский князь Александр Мисостов. Он изложил в ней собственную концепцию истории кабардинцев и адыгейцев, отличную от концепции Ш. Б. Ногмова.

Однако литературному наследию современников Ш. Б. Ногмова не повезло. Оно, как правило, не переиздавалось, а упомянутое произведение А. Мисостова и главный труд Султана Хан-Гирея («Записки о черкесах») до сих пор не увидели света. Хотя «История» Ш. Б. Ногмова в научном отношении намного уступает неизданному сочинению Султана Хан-Гирея, она к настоящему времени выдержала пять изданий и, кроме того, переведена на кабардинский и немецкий языки. Это объясняется широкой популярностью «Истории» Ш. Б. Ногмова среди историков, археологов, этнографов, историков литературы и фольклористов. В настоящее время имеется большое число статей и брошюр, посвященных Ш. Б. Ногмову, в которых неизменно подчеркиваются заслуги этого энтузиаста на поприще просвещения, но не делаются попытки дать объективную оценку его узкой источниковедческой базы и весьма несовершенной исследовательской методики. Это обстоятельство не только мешает правильно определить место Ш. Б. Ногмова среди других адыгских историков и этнографов того времени, но и способствует живучести устаревших представлений в области истории и фольклористики.

Многие ученые с большим доверием относятся ко всему, что содержится в книге Ш. Б. Ногмова, и нередко ставят ее в один ряд с такими первоисточниками, как древнерусские летописи. В XIX в. к числу таких ученых принадлежали, например, М. П. Погодин², П. Г. Бутков³, А. А. Куник⁴ и ряд других менее известных авторов. Но ошибки Ш. Б. Ногмова не преодолены, к сожалению, и в наши дни. Именно они лежат в основе фантастических построений А. Ж. Кафоева, выдаваемых им за последнее слово

¹ Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев, Нальчик, 1958.

² «Предания адыгейцев не бесполезны для историков России», «Москвитинин», 1850, ч. 1, кн. 2, № 2, отд. 3, стр. 41.

³ П. Г. Бутков, Вести черкеса о князьях русских Святославе и Мстиславе, Газ. «Северная пчела», 1850, № 99.

⁴ А. Куник, Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. I, СПб., 1878, стр. 147.

науки⁵. С отдельными ошибками Ш. Б. Ногмова, приходится встречаться в трудах многих советских этнографов, археологов, фольклористов, историков и литературоведов⁶.

Считаю нужным предупредить читателей, что пишущий эти строки далек от отрицания заслуг Ш. Б. Ногмова, но не останавливается на них лишь потому, что они уже достаточно освещены в литературе. Положительная оценка работы Ш. Б. Ногмова содержится, между прочим, и в небольшой заметке, которую напечатал автор⁷. Сейчас гораздо актуальнее обратить внимание исследователей на необходимость покончить с некритическим использованием наизыч доводов историка-любителя первой половины XIX в.

К разбору некоторых из этих доводов мы и перейдем.

Ш. Б. Ногмов, пишет, что кабардинцы, будто бы помнят киммерийцев и называют их «кимиргенами»⁸. Нетрудно догадаться, что здесь имеет место опечатка: Кимирген вместо кимиргей, т. е. Кизмыргуй, которое является старой формой названия одного из прикубанских (адыгейских) племен XVII—XIX вв., известного русским под именем темиргоевцев.

Нередко утверждают, будто кабардинский фольклор сохраняет память о сарматах. Поводом для этого недоразумения послужило следующее место у Ш. Б. Ногмова: «Еще оставалось в памяти народной, что некоторые фамилии вели свой род от сарматов и поэтому носят название шармат. Здесь кстати приведу одну старинную, сохранившуюся у нас пословицу, доказывающую, что наши предки были с ними в коротких сношениях. Когда кто-нибудь в обществе много шутит и заставляет других смеяться, то ему говорят: «ты не черт и не шармат, откуда же ты взялся?»⁹. Заметим, что слово «шармат» или «шеремет» было известно не только кабардинцам. Вспомним хотя бы украинскую фамилию Шеремет и русскую Шереметьев. В основе этих имен лежит тюркское слово «шеремет», имеющее следующие значения: «живость, горячность лошади»¹⁰; «имеющий скорый, легкий шаг» (о лошади); «грубый, вспыльчивый, невежливый»¹¹. Можно ли после этого утверждать, что кабардинцы сохранили память о сарматах?

Ш. Б. Ногмов считал, что в кабардинском фольклоре сохранилось имя «Косирих», которое будто бы означает «кесарь». Но «Косирих» является у Ш. Б. Ногмова, судя по всему, плодом лингвистического конструирования. Он говорит, что среди древних героев народ хранит память о «Созироко или Косирих», о котором «существует множество преданий», в том числе, что «Созироко рожден в камне» или же «вырезан из чрева умершей матери» и «вообще же он слышит побочным сыном»¹². Легко догадаться, что речь идет не о римских императорах, а о Сосрыктуэ, самом популярном герое нартского эпоса, причем неизвестно, чтобы его называли «Косирихом». Можно допустить, что последнее имя Ш. Б. Ногмов взял не из фольклора. Он пишет, что «слово кесарих (т. е. косирих.— Л. Л.) значит на нашем языке «выпорок из материи», что напоминает имя Юлия Цезаря и прозвище, данное ему по образу рождения»¹³. Показательно, что в цитатах из эпоса, которые Ш. Б. Ногмов приводит по-кабардински, вместо «Косириха» стоит «Созирико», а в переводах этих цитат это имя заменяется словом «кесарь». Таким образом, нельзя утверждать, что кабардинский фольклор сохраняет память о «кесарях».

Ш. Б. Ногмов утверждал, что в кабардинских песнях сохранились «известия о нашествии и сношениях с Атиллой, которого по свойству нашего языка предание именует Адилем». Для доказательства, что кабардинцы служили в войсках Атиллы, Ш. Б. Ногмов цитировал исторические песни. В одной из них сказано: «Отборная наша конница отправилась к Атилле с охотой». В другой говорится: «По большим горам, как блестя-

⁵ А. Ж. Кафоев, Адыгские памятники, Нальчик, 1963. Критический разбор этой книги см. в рецензии, опубликованной нами в журнале «Сов. археология», 1968, № 3.

⁶ «История русской литературы», т. I, изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 270; Г. А. Кокоев, Шора Бекмурзин Ногмов — выдающийся кабардинский ученый и просветитель, Нальчик, 1944; В. В. Мавродин, Образование древнерусского государства, Л., 1945, стр. 360—361; Е. П. Алексеева, Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов (черкесов), «Труды Черкесского научно-исследовательского института», вып. II, Черкесск, 1954, стр. 222, 223, 227, 231, 232, 253; Очерки истории Адыгеи, т. I, Майкоп, 1957, стр. 68, 69, 72; Б. А. Рыбаков, Древняя Русь. Сказания, былины, летописи, М., 1963, стр. 18—22; И. В. Тресков, Фольклорные связи Северного Кавказа, Нальчик, 1963, стр. 218; История Кабардино-Балкарской АССР, т. I, М., 1967, стр. 46, 96, 97.

⁷ Л. И. Лавров, Пионер черкесского просвещения (К 140-летию со дня рождения Ш. Ногмы), газ. «Красная Черкессия», 23 марта 1941 г., № 69.

⁸ Ш. Б. Ногмов, Указ. раб., стр. 72.

⁹ Там же, стр. 71.

¹⁰ Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, СПб., 1869, стр. 666.

¹¹ В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, вып. 4, СПб., 1908, стр. 1006.

¹² Ш. Б. Ногмов, Указ. раб., стр. 92, 93.

¹³ Там же, стр. 93.

шие звезды, стекаются к Атилле войны наши»¹⁴. Но «Адыл» или «Индыл» — это не имя исторической личности, а бытовавшее у кабардинцев и адыгейцев название р. Волги¹⁵.

Б. А. Рыбаков в поисках гуннских следов пошел дальше Ш. Б. Ногмова. Он считает, что кабардинцы сохранили память о гуннском племени утургуров, имя которых он видит в кабардинском этническом названии «тургъут»¹⁶. Но оно у кабардинцев означает не гуннов, а ныне существующих калмыков, и происходит от «торгут» или «торгуот» — самоназвания одной этнической группы этого народа¹⁷.

Непонятное слово «гут» в забытой ныне песне, по мнению Ш. Б. Ногмова¹⁸ и его последователей, означает «готы». Вывод этот сделан лишь на основании созвучия слов, но и оно в действительности не слишком большое, так как кабардинский термин звучит не «гут», а «гъут»¹⁹, хотя в кабардинском языке имеется звук «г».

Ш. Б. Ногмов «обнаружил» в фольклоре воспоминание и о византийском императоре Юстиниане. Он утверждал, что «по сказанию старцев, Юстин или Юстук был союзником адыгейского народа и даже называл себя адыгейским витязем». Отсюда напрашивается предположение, что фольклорный герой, принятый Ш. Б. Ногмовым за Юстиниана, был на самом деле адыгом. По словам Ш. Б. Ногмова, кабардинский народ «клялся Юстиниановым столом и юстиниановым троном». Юстиниана значит «Юстинов стол»; шот Юстук — «Юстинианово седалище». Однако, во-первых, «шэт Юстыкку» — неправильное выражение, так как по-кабардински должно быть «Юстынкъу и шэт (или шьт)», т. е. «Юстук стул». Во-вторых, «шот Юстук» созвучно имени легендарного Шущьаштэгъу, которому шапсуги приписывают введение языческо-христианских верований, существовавших у них до принятия ими ислама. Ш. Б. Ногмов мог принять этого героя за Юстиниана, при котором на Кавказе активно распространяли христианство. В-третьих, слово «Іэнэ» в выражении «Юстин и Іэнэ» означает маленький и низенький обеденный столик, который для кабардинца несовместим с понятием «трона». В-четвертых, выражение «Юстин и Іэнэ» или, в написании Ш. Б. Ногмова, «Юстиниана» представляется искусственным, так как кроме Ш. Б. Ногмова его в Кабарде никто не слышал и оно подозрительно совпадает с настоящим именем византийского императора. Вряд ли допустим ошибку, предполагая, что здесь налицо попытка объяснить это греческое имя средствами кабардинского языка.

Еще менее правдоподобно представление о том, что кабардинцы будто бы сохранили память о средневековом народе анты. Основанием для этой версии послужило следующее сообщение Ш. Б. Ногмова о термине «адыгэ», которым называют себя адыгейцы и кабардинцы: «Есть в Кабарде старцы, которые выговаривают это слово... антихе». Кроме того, корень «ант» Ш. Б. Ногмов пытался отыскать там, где его нет, и с этой целью прибегал к искусственному конструированию разных терминов, вроде «нар-ант» из «нарт» и др.²⁰ Однако неправдоподобно, чтобы кабардинцы и адыгейцы без каких-либо видимых причин вдруг стали бы называть себя именем другого народа, от которого они политически не зависели, никогда не жили с ним по соседству и не имели с ним общего происхождения. Ведь анты обитали за пределами Кавказа и, по признанию большинства ученых, были славянами. Термин «адыгэ» генетически связан с этническими наименованиями, существовавшими на Кавказе еще в античное время²¹, и поэтому не мог быть привнесен в средние века. Главное же заключается в том, что в Кабарде и Адыгее ни до, ни после Ш. Б. Ногмова никому не удавалось зафиксировать термин «антихе».

В. К. (Б. А.) Гарданов уже отмечал «известные натяжки» у Ш. Б. Ногмова при отождествлении им псевдофольклорного Лавристана с антским вождем Лавритой или иначе Добритом. Перенос «место действия хорошо известных в истории событий из края, обозначенного историками, на Кавказ», Ш. Б. Ногмов, по справедливому замечанию В. К. Гарданова, исходил лишь «из созвучия имен и формального сходства в описании аналогичных по характеру событий»²². К этому нужно добавить, что имени Лавристан в кабардинском фольклоре никто, кроме Ш. Б. Ногмова²³, не находил и, судя по всему, оно образовано от Лоу (так именовалась самая крупная княжеская фамилия у абазин, игравшая немаловажную роль в истории Кабарды). В этом отношении показательно, что Лавристан, по Ш. Б. Ногмову, «похоронен под Бештовой горой»²⁴, т. е.

¹⁴ Там же, стр. 97.

¹⁵ Ср. с тем же значением: карачаево-балкарское Итил-суу, осетинское Идыл, чеченское Идал, кумыкское Андал, калмыцкое Инджил, хазарское Итиль.

¹⁶ Б. А. Рыбаков, Указ. раб., стр. 19.

¹⁷ Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период, М., 1967, стр. 448.

¹⁸ Ш. Б. Ногмов, Указ. раб., стр. 95—98.

¹⁹ Ш. Б. Нэгумэ. Адыге народым и тхыдэ, Налшык, 1958, стр. 93.

²⁰ Ш. Б. Ногмов, Указ. раб., стр. 67.

²¹ Л. Г. Лопатинский, Заметка о народе адыге вообще и кабардинцах в частности. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. XII, Тифлис, 1891, стр. 1; Л. И. Лавров. Из поездки в Черноморскую Шапсугию Сов. этнография, 1936, № 4—5, стр. 132.

²² Б. А. (В. К.) Гарданов, «История адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова, В кн.: «Ш. Б. Ногмов», Указ. раб., стр. 40.

²³ Ш. Б. Ногмов, Указ. раб., стр. 99—105.

²⁴ Там же, стр. 104.

там, где в XVIII в. находились владения Лоу. Соблазнительно рассматривать название «Лавристан» как составное «Лоур и стан» и переводить его как «стан (лагерь, стойбище, страна или край) Лоу», но, по законам современного кабардинского языка, это выражение должно выглядеть «Лоум и стан», хотя в текстах Ш. Б. Ногмова встречаются подобные примеры замены определенного показателя «м», свойственного эргативному падежу, на «р» — показатель именительного падежа²⁵. Во всяком случае имя Лавристан могло быть образовано от механического соединения двух соседних в песне слов «Лоур» и «стан».

Нельзя согласиться с попыткой Б. А. Рыбакова сопоставить Маремихо, сына Идара²⁶, упоминаемого Ш. Б. Ногмовым²⁷, с антским послом VI в. Мезамиром, сыном Идариса. Это неправильно уже хотя бы потому, что Ш. Б. Ногмов имел в виду сына того Идара, который был дедом Марии Темрюковны, жены Ивана Грозного. Значит, Маремихо должен был приходиться дядей Марии Темрюковны и, тем самым, жить на тысячу лет позже Мезамира. К сказанному прибавлю, что среди пяти сыновей Идара не было носившего имени Маремихо²⁸, и сообщение Ш. Б. Ногмова, таким образом, вообще основано на недоброкачественной информации.

Ш. Б. Ногмов утверждал, что и антский князь Бож, и кабардинский фольклорный герой Баксан — одно и то же. Но об истинном значении имени Баксан в книге Ш. Б. Ногмова говорить почти невозможно, так как кабардинский текст соответствующей песни не сохранился, а перевод ее носит следы значительных искажений. О характере последних дают некоторое представление следующие слова Ш. Б. Ногмова в отношении известного Этокского памятника: «Народ называет этот памятник «Дуукоха ясин» (Дауо и кьуэхэм я сынш, т. е. «памятник сыновей Дауо». — Л. Л.) вместо «Дауко Баксан», т. е. Дауов сын Баксан»²⁹. Такое вольное обращение с реально существовавшим названием понадобилось Ш. Б. Ногмову, чтобы привести его в соответствие со своей идеей. Личное имя Баксан нигде, кроме книги Ш. Б. Ногмова, не отмечено. Может быть, Ш. Б. Ногмов пользовался таким вариантом песни, в котором кабардинская река Бахъсэн (по-русски Баксан) превратилась в человека? Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что песня о Баксане не имеет отношения к борьбе антского князя Божжа с готами в IV в., так как на это в песне нет никаких реальных намеков, а против этого говорят не только отсутствие настоящего созвучия между именами Баксан и Бож, но и более поздняя дата Этокского памятника, которому посвящена песня о Баксане.

Отождествление фольклорного героя Байкъан'а с аварским (обрским) ханом Баяном опирается на кабардинскую песню, перевод которой помещен в книге Ш. Б. Ногмова³⁰. Г. Ф. Турчанинов отметил, что перевод этот «очень далек от подлинника»³¹. В песне идет речь о какой-то битве в «адыгской земле», во время которой погиб конь Байкъан-хъана. Каких-либо намеков на авар песня не содержит. Трудно обнаружить и созвучие в именах Байкъан и Баян. Ш. Б. Ногмов отнес к Байкъан'у еще одну песню, перевод которой у Ш. Б. Ногмова, по справедливому мнению Г. Ф. Турчанинова, тоже «довольно далекий от подлинника»³². Эта вторая песня описывает сражение кабардинцев в Куртатинском ущелье (в Осетии) с «кызылбаш'ами»³³, т. е. персами, и ее легко приурочить ко вторжению в Осетию шаха Аббаса I в 1614 г. Таким образом, песни о Байкъан'е не имеют отношения к средневековым аварам.

Более чем рискованно следовать за Ш. Б. Ногмовым в сопоставлении неизвестных теперь слов «хаза» или «каза» с хазарами³⁴, так как для этого нет никаких оснований, кроме очень сомнительного созвучия.

Акад. Б. А. Рыбаков считает, что под именем Алегики в кабардинском фольклоре скрывается русский тмутараканский князь Олег Святославич (XI в.)³⁵. Б. А. Рыбаков ссылается при этом на русский перевод двух кабардинских песен в сочинении Ш. Б. Ногмова. В первой из них говорится, что адыгский князь Алегики долго и тихо ждет помощи от соплеменников, которые должны были выручить его из плена. В песне не сказано, кто именно захватил в плен этого князя, но там имеются такие слова: «Князь Алегики, зачинщик войны, негодует в Саркале на адыгов». Вторая песня воспевае князя Безруко, который совместно с «татарским ханом» совершил удачное нападение на Саркалу. Нехитрые тексты обеих песен сопровождаются у Ш. Б. Ногмова его собственным пояснением, что речь в них идет об адыго-хазарской войне³⁶.

Нетрудно догадаться, что вывод Ш. Б. Ногмова основан на сопоставлении Саркалы с хазарским городом Саркел, хотя содержание песен противоречит этому выво-

²⁵ Ш. Б. Ногма, Филологические труды, т. 1, Нальчик, 1956, стр. 51 и др.

²⁶ Б. А. Рыбаков, Указ. раб., стр. 20.

²⁷ Ш. Б. Ногмов, Указ. раб., стр. 124.

²⁸ Родословные кабардинских князей, составленные в XVII в., см. в кн.: С. А. Белокуров, Сношения России с Кавказом, вып. 1, М., 1889, стр. 1, 3.

²⁹ Ш. Б. Ногмов, Указ. раб., стр. 95.

³⁰ Там же, стр. 100.

³¹ Ш. Б. Ногма, Указ. раб., стр. 50.

³² Там же, стр. 53.

³³ Ш. Б. Ногмов, Указ. раб., стр. 101, 102.

³⁴ Там же, стр. 71.

³⁵ Б. А. Рыбаков, Указ. раб., стр. 20, 22.

³⁶ Ш. Б. Ногмов, Указ. раб., стр. 115—119.

ду. Во-первых, упоминание «татарского хана» указывает не на хазарское, а на более позднее время. Во-вторых, один исторический князь Бэлэтыкъу Бэзрыкъу жил в XVII в., а другой его тезка — на рубеже XVIII—XIX вв. В-третьих, имя Алыгъкъу или Алыджыкъу, не имеющее отношения к тмутараканскому князю, было достаточно распространены в Кабарде в более позднее время; например, в XVII—XVIII вв. были известны кабардинские князья Алегука Сунчалеевич, Алегука Шегануков и Алегука Атажукин³⁷. В-четвертых, достоверность названия Саркала более чем сомнительна. По поводу второй песни сам Ш. Б. Ногмов пишет, что Безруко ходил походом «против Аскалы или Саркалы». Возникает вопрос: откуда взялась Аскала, когда в переводах песен значится только Саркала? Означает ли это, что в песнях встречались два разных названия для одного и того же географического пункта? В таком случае требовалось бы доказать, что варианты с Саркалой более достоверны. Но, может быть, Аскала, не случайно поставленная первой, является реально существующим фольклорным термином, а Саркала — искусственной реконструкцией, принадлежащей Ш. Б. Ногмову? Что дело обстоит именно так, доказывает кабардинский текст первой песни, опубликованный Г. Ф. Турчаниновым³⁸. Текст этот обнаружен в бумагах А. М. Шёгрена и был записан непосредственно от Ш. Б. Ногмова. Можно не сомневаться, что именно этот текст лежит в основе русского перевода первой песни в книге Ш. Б. Ногмова. Г. Ф. Турчанинов отметил, что переводы, сделанные Ш. Б. Ногмовым, «весьма далеки от подлинника»³⁹. В частности, оказалось, что в кабардинском тексте вместо Саркалы присутствует Аскъалэ. Столь неожиданное открытие заставило З. Ш. Кардангушева, переводившего книгу Ш. Б. Ногмова на кабардинский язык, заменить в первой песне слова Саркъалэ на Аскъалэ⁴⁰.

Что же такое Аскъалэ или буквально «крепость Ас»? Это хорошо известное адыгейское и кабардинское название турецкой крепости Азов. Таким образом, оказывается, что обе песни, отнесенные Ш. Б. Ногмовым к хазарским временам, воспевают более поздние события, имевшие место примерно в XVII в., когда Азов получил широкую известность и когда действительно существовали упомянутые в песнях крымско-татарские ханы, темиргоевский князь Бэлэтыкъу Бэзрыкъу и два видных кабардинских князя по имени Алыгъкъуэ (сыновья Сунчалаея и Шеганука). Значит, и сопоставление Алыгъкъуэ с Олегом теряет какие бы то ни было основания.

«Тмутараканский цикл» кабардинских «преданий» в книге Ш. Б. Ногмова⁴¹ приобрел особенно большую популярность, хотя при ближайшем рассмотрении оказывается, что он не имеет отношения к исторической Тмутаракани и касожскому князю Редее. Ш. Б. Ногмов соединил воедино три совершенно разные вещи: сказание о единоборстве, припев свадебной песни и поговорку, в которой упоминается Тамтарахъэ. Мотив единоборства, широко распространенный в фольклоре многих народов, представлен у кабардинцев сказанием о поединке женщины-богатырши Ляшын с калмыцким богатырем или (в других вариантах) с каким-то иноземным ханом. Ш. Б. Ногмов превратил богатыршу в мужчину и заменил имя Ляшын на Ридадя, которое воссоздал из основы припева свадебной песни «оу ридадэ», столь же непонятного поющим, как и русские «ри-да-да» или «ой, люли, люли». М. Марков в 1899 г. показал, что припев этот не является специфической особенностью кабардинского песенного творчества, так как он в разных вариантах известен не только русским, но и многим народам Сибири, и поэтому, писал М. Марков, «здесь не может быть и речи о каком-либо Редее»⁴². В 1891 г. В. Ф. Миллер назвал рассказ Ш. Б. Ногмова о Редее «подозрительным преданием»⁴³. В 1911 г. Н. С. Трубецкой после критического разбора «Тмутараканского цикла» пришел к заключению, что «подлинным является только припев «оу ридадэ», а весь рассказ сочинен самим Ногмовым» и что «у адыгов нет никаких сказаний о Редее»⁴⁴. Даже такой защитник «Тмутараканского цикла», как Л. Г. Лопатинский, в 1921 г. вынужден был признать, что кабардинский свадебный припев не содержит имени Редее⁴⁵. К такому же выводу пришли и составители сборника «Кабардинский фольклор», изданного в 1936 г.⁴⁶ Специально занимавшийся исследованием «Тмутараканского цикла» сказаний Г. Ф. Турчанинов писал в 1947 г., что нужно «совершенно покончить с

³⁷ Кабардино-русские отношения XVI—XVIII вв., т. I, II, М., 1957. По указателю.

³⁸ Ш. Б. Ногма, Указ. раб., стр. 55.

³⁹ Ш. Б. Ногма, Указ. раб., стр. 56.

⁴⁰ Ш. Б. Ногма, Указ. раб., стр. 115.

⁴¹ Ш. Б. Ногмов, Указ. раб., стр. 119—122.

⁴² М. Марков, Заметка о припеве «у-редеди-да-редедя», «Этнографическое обозрение», 1899, № 1—2, стр. 345, 346.

⁴³ В. Миллер, Рецензия на «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XII, «Журнал Министерства народного просвещения», ч. 277, 1891, сентябрь, стр. 206.

⁴⁴ Н. С. Трубецкой, Редее на Кавказе, «Этнографическое обозрение», 1911, № 1—2.

⁴⁵ Л. Г. Лопатинский, Мстислав Тмутараканский и Редее по сказаниям черкесов, «Известия Бакинского гос. университета», № 1, второй полутом, Баку, 1921.

⁴⁶ «Кабардинский фольклор», Изд. «Academia», 1936, стр. 587, 588.

легендой о сохранности среди черкесов (в том числе и кабардинцев) предания о единобрстве Редеди в какой-либо, даже самой отдаленной форме»⁴⁷.

Что касается поговорки «Тамтаракъый ухъу», т. е. «Будь ты Тамтаракаем», то она не может служить доказательством тесного общения кабардинцев с Тмутараканью, так как оно исходит лишь из звукового сходства терминов, а загадочный Тамтаракъый или Тамтаракъ встречается в поговорках не только кабардинцев, но и других народов, в том числе и не имевших непосредственной связи с исторической Тмутараканью. Ш. Б. Ногмов писал, что и у татар есть выражение «Тамтаракъый бал», имеющее значение, аналогичное кабардинскому варианту⁴⁸. Одна из кабардинских здравниц содержит упоминание какого-то озера Тамтарка⁴⁹, а в осетинском фольклоре говорится о «равнине Таракъай»⁵⁰. У кумыков встречается аналогичное кабардинскому и татарскому выражение «Тамтаракъ болсун», т. е. «Будь ты Тамтараком». Это выражение встречается даже в Средней Азии, что уже явно противоречит желанию считать кабардинский вариант загадочной поговорки памятником тмутараканско-кабардинских связей.

Итак, все то в книге Ш. Б. Ногмова, что казалось замечательным открытием, на деле выглядит лишь нагромождением ошибок, и чем скорее наука освободится от них, тем лучше.

Л. И. Лавров

⁴⁷ Г. Ф. Турчанинов, *Летописный Редедя и черкесское «редадэ»*, «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», т. II, Нальчик, 1947.

⁴⁸ Ш. Б. Ногмов, *Указ. раб.*, стр. 121.

⁴⁹ «Кабардинский фольклор», стр. 80.

⁵⁰ В. И. Аббаев, *Осетинский язык и фольклор*, М.—Л., 1949, стр. 47.

НАРОДЫ СССР

К. В. Чистов. *Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.* Издательство «Наука», М., 1967, 340 стр.

Данная книга — плод многолетних разысканий К. В. Чистова. Некоторые из вошедших в нее материалов были опубликованы автором ранее в кратком изложении¹. Теперь перед нами его труд — цельная, обширная монография. Предмет исследований К. В. Чистова не нов. В книге использована огромная литература, посвященная тем же вопросам, которые интересуют автора (имеется почти 1000 сносок). И тем не менее книга совершенно нова как по методу изучения материалов, так и по выводам. В отличие от множества монографий и мелких работ, в которых изолированно рассматриваются отдельные эпизоды в истории социальных утопий и связанные с ними соответствующие рассказы, автор изучает весь ход развития этого вида фольклора, от его истоков в XVII в. до его угасания во второй половине XIX в. Весь фольклорный материал исследуется в теснейшей связи с конкретной историей и с ее же помощью объясняется. Книга делится на две главы, названные «Легенды о возвращающемся избавителе» (стр. 24—236) и «Легенды о далеких землях» (стр. 237—346). На первый взгляд может показаться, что между этими двумя видами фольклора нет прямой связи. Однако это не так. В первой главе рассматриваются попытки активной борьбы крестьян против социального угнетения (восстания под предводительством самозванцев), во второй — попытки ухода или бегства крестьян от царско-помещичьей власти. «Два вида русских народных социально-утопических легенд... отражают две основные формы антифеодальной борьбы русского крестьянства — открытую политическую борьбу (восстание) и „уход“ — бегство в резервные районы, не освоенные еще феодальным государством» (стр. 327). Изложение — строго хронологическое, максимально аналитическое и вместе с тем детализованное. Можно с уверенностью сказать, что в книге рассмотрены все известные в русской истории XVII—XIX вв. самозванцы. Их было чрезвычайно много. Например, в 30-х — 50-х гг. XVIII в. было около полутора десятков самозванцев, причем шесть из них называли себя именем Алексея Петровича (стр. 124). Автору известны и все материалы о самозванцах. Это характеризует стиль и характер

¹ См.: К. В. Чистов, *Легенда о Беловодье*, «Труды Карельского филиала АН СССР», т. 35, Петрозаводск, 1962, стр. 116—181; его же, *Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.*, «История, фольклор и искусство славянских народов. Доклады советской делегации», V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963), М., 1963, стр. 483—510; его же, *Легенды об «избавителях» и проблема повторяемости фольклорных сюжетов*, «Славянский фольклор и историческая действительность», М., 1965, стр. 36—59.